

Барбара Плимова

Кулёк

Варвара ТИТОВА

Кулёк

«Издательские решения»

Титова В.

Кулёк / В. Титова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908721-8

Сборник рассказов, объединенных единой линией. О студенческой жизни и первых профессиональных шагах выпускницы непрестижных творческих учебных заведений. Действие разворачивается на сломе эпох в лихие 90-е. Это удивительные истории, иногда грустные, но чаще веселые! Продолжение «Записок театрального ребенка».

ISBN 978-5-44-908721-8

© Титова В.
© Издательские решения

Содержание

Пойдешь в доярки!	6
Раз картошка, два картошка	10
Елена Львовна и Светлана Леопардовна	13
Общага	16
Меня здесь нет	18
Агуреев	20
Малёк	24
Этюды	28
Катька-Авантюра	29
Чайник	36
Химическая красавица	39
Торговый отряд	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кулёк

Варвара Титова

© Варвара Титова, 2018

ISBN 978-5-4490-8721-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Кулёк» – прозвище учебных заведений культуры. Профессионалы от искусства презрительно относились к тем, кто учился, в придуманных Советах, культпросветучилищах и институтах. Слово «самодеятельность» считалось мерзким и пошлым в кругу «великих творцов».

Пойдешь в доярки!

Заканчивать десятый класс мне довелось в обычной подмосковной сельской школе. Это было даже несколько забавно. Первое, что мне пришлось услышать на перемене после «Урока Мира»:

– Шалавы! – вопила на весь школьный коридор наша классная руководительница.

– Не обращай внимания, – сказала мне моя одноклассница, – У Зоси такое бывает.

В целом педагогический коллектив школы был нормальный. Лишь у некоторых училок были свои заскоки. Например, вещая что-то про Шолохова, учительница по литературе могла спокойно сказать: «И пошел он жить в ихову семью». Ранее про нее ходили байка о том, что кому-то в сочинении она снизила оценку за слово «Кронштадт». Она лихо исправила «о» на «а» и объяснила, что проверочное слово «кран».

Еще интереснее была химичка. Из нее просто пёрла фольклорно-народная мудрость.

– Придешь на болоту, увидишь пузырьки, – наставляла она у доски неразумного школяра, – Что это? Мятан!

Ее коронной фишкой был такой стиль обучения.

– Таня, – говорила она в конце урока отличнице, – Прочитай следующий параграф и нам завтра расскажешь.

В десятом классе уже вовсю шло изучение органической химии, но если сама учительница не понимала, в чем там суть сложных формул, то ученики просто валяли дурака на уроках.

Я как-то по глупости попыталась указать на явную ошибку, которую под диктовку учительницы выводила бедная Таня у доски. Но химичка так злобно на меня глянула, что я предпочла на уроках химии заткнуться навсегда.

Еще в начале учебного года выяснилось, что вся система УПК на селе решалась просто. Мальчишки учились на водителей-трактористов, а девочки на доярок. Я, было, попыталась вякнуть про то, что в девятом классе уже начала обучаться профессии секретаря-машинистки. Но мне категорично отрезали – «У нас такого нет!»

– Тогда можно мне на водителя учиться? – спросила я робко.

– Нет, ответили мне в учебной части, – на водителей нужно учиться два года, а ты уже в последнем классе, поэтому только в доярки.

– А что, – дома хохотнула мама, – Ценные навыки, научишься доить коров.

Коров я доить так и не научилась. Нас всего один раз заставили сходить на коровник. Но это было вроде экскурсии, и весь учебный год мы старательно штудировали учебник «Животноводство». Про экстерьер и интерьер коров, устройства доильного аппарата и доильного стакана.

– Если никуда не поступишь, – подкалывала меня мама, – Путь один, пойдешь в доярки.

Мне эти шуточки были обидны до слез. Ну, как это я, с музыкалкой по классу скрипки, хореографией и театром и вдруг на коровник?

Однако, учебный год подходил к концу и уже точно нужно было определяться, куда поступать учиться дальше. Я как-то раз подкатила к маме с мыслями, не пойти ли мне на журфак.

– Ха-ха-ха! – театрально рассмеялась мама, – Ты же сочинения пишешь, как бухгалтерские отчеты!

И я приуныла не на шутку. Училась я хорошо, на одни пятерки. И в принципе, могла смело штурмовать любой вуз. Но, я по натуре, оказалась жуткой трусихой. Поэтому решила идти туда, что мне знакомо с детства, – в театральное.

Я выучила пару монологов из Островского и Жана Ануя. Несколько стихотворений Тютчева с Фетом и басню Крылова «Мартышка и очки». Мама, как актриса, меня профессионально поднатаскала. Но, словно, сама судьба была против моего решения.

Я практически не могла попасть на прослушивания. То электричка сходила с рельсов, то я неожиданно заболела и теряла голос. То переносили время прослушивания. Какой-то заколдованный круг. Там, где я все же с трудом попадала на прослушивание, на меня нападала какая-то паника и трясун. Чего раньше со мной никогда не случалось.

В общем, в театральные вузы я пролетела. Или, скорее, они пролетели мимо меня. Окончив школу, я беззаботно валялась целыми днями на берегу речки, а по вечерам бегала в местный клуб на дискотеки. Где-то во второй половине июля ко мне решительно подступила мама.

– И что ты думаешь делать? – грозно шипела на меня она, – Правда, что ли в доярки собралась? С серебряной медалью?

Я равнодушно отмахивалась. Мне действительно было наплевать на свое будущее. Но мама не отступала.

– Я тут поговорила с режиссером народного театра из района, он сказал, что можно попробовать поступить в культпросветучилище, там экзамены в августе и можно взять еще целевое направление.

– Я? Массовиком-затейником? – орала я. – Ты меня хочешь запихнуть в самодеятельность?

– Дура! – рывкнула мама, – Зато не потеряешь год и сможешь по театрам ходить, хотя бы.

– Пойду тогда на хореографию, – согласилась я.

На следующий день я взяла у районного начальника отдела культуры заветную бумагу – «целевое направление». Она давала право на зачисление, даже если сдаешь экзамены на тройки, и поехала в училище.

За год в деревне свою хореографическую форму я подрастеряла, конечно. И на экзамене по специальности выглядела неважно. Почему-то всем, поступающим в первом потоке, благополучно вlepили двойки.

В училище, на лестнице рыдали девчонки. Они были из подготовительной группы ансамбля «Березка». Мне реветь почему-то не хотелось. Я спустилась вниз в приемную комиссию, чтобы забрать свои документы.

– Вы можете попробовать поступить на другое отделение, – улыбнулась мне девушка из приемной комиссии. – У нас экзамены идут в три потока.

Честно говоря, возвращаться домой, провалившись на экзамене даже в непрестижный «Кулёк» было архи стыдно. И я села переписывать заявление. «Значит, судьба мне пойти в массовики-затейники, – подумала я. – Зато буду готовиться к поступлению на следующий год, и ходить по театрам»

Передо мной висел стенд с образцами заявлений и приемными требованиями. Вдруг я увидела надпись: «Режиссура театра». Я даже не поверила своим глазам. Неужели в «Кульке» такое бывает?

– А у вас есть отделение театральной режиссуры? – метнулась я к девушке из приемной комиссии.

– Да, – ответила мило она, – У нас раз в три года набирают курс два преподавателя.

– А я могу туда попробовать поступать? – у меня от волнения всё сжалось внутри.

– Конечно, – ответила девушка, – Пишите заявление.

На экзамен по режиссуре театра в третьем потоке нас пришло всего пятеро. Я, три девочки и один мальчик.

Нас по одному стали вызывать в аудиторию. Я читала свои монологи и стихи с басней, играла этюды, даже что-то спела и сплясала. Преподавательницы внимательно смотрели на меня, одна из них все время улыбалась.

Наконец, всех прослушали. Девчонки прилипли к двери, чтобы подслушивать обсуждение.

– Про тебя говорят, – оторвавшись от щелки, сказала одна из девчонок. – Говорят, ты Джульетта! И тебя непременно возьмут.

Мне поставили пятерку и сказали, что с удовольствием ждут меня на курсе. Так как у меня была серебряная медаль, остальные общеобразовательные экзамены мне сдавать было не нужно. Так что, можно считать, что я практически зачислена в училище.

Приехав домой, я все рассказала маме. Она очень удивилась, что в культпросветучилище оказалось такое отделение. Хихикнула по поводу Джульетты:

– Да, уж, Джульеттам как-то негоже ходить в доярках! Учись, малыш.

Так я оказалась студенткой первого курса «Кулька», вернее «Кулёчка» на Левом берегу Москвы-реки неподалеку от Химок.

Раз картошка, два картошка

Первого сентября нас всех отправили на картошку. В далекий-предалекий Лотошинский район. Отряд сформировали из двух отделений училища – режиссуры театра и оркестрового. Поэтому ехали мы весело. На оркестровое отделение в основном поступали мальчишки.

С рюкзаками и гитарами мы загрузились в автобус и всю дорогу пели песни Цоя, Наутилуса и Гребенщикова. Привезли нас в какое-то село и поселили в длинном бараке, рядом с которым находились уличные умывальники, веселый «зеленый» домик – туалет и маленькая постройка с кухней-столовой.

Начальником отряда был преподаватель с оркестрового отделения. Довольно-таки молодой человек, но дуже препротивный в общении. Его положительные качества мы оценили гораздо позже, когда наша картофельная эпопея подошла к концу. А пока мы все его тихо возненавидели за нарочитую заносчивость и противные интонации.

Вечером все перезнакомились, а уже рано утром нас подняли умываться ледяной водой и завтракать. Настроение у всех было не ахти какое рабочее, но пока что всё было в новинку, поэтому никто особенно не пищал.

Привезли нас в поле и распределили по картофельным комбайнам. Это чудо техники я видела впервые. К трактору прицеплялось некое металлическое сооружение. Большие ножи внизу срезали две картофельные грядки. Вся эта масса вместе с землей ползла, подпрыгивая, по решетчатому транспортеру вверх, по пути стряхивая землю. Затем наверху по резиновой ленте двигалась картошка вперемешку с остатками земли. Лента делилась на два отделения.

Наша задача была такая: перекидывать чистую картошку в одну часть транспортёра, а землю и остатки ботвы оставлять в другой. Поначалу от этой круговерти кружилась голова. Но мы довольно быстро освоились и даже обнаружили волшебный рычаг. Он позволял всю неразобранную массу отправлять вниз и проходить всю процедуру по новой. Так что, если не успеваешь рассортировать клубни, можно было дернуть заветную ручку и передохнуть.

На третий день мы так приспособились, что кто-то из четверых девчонок на комбайне, мог спокойно дрыхнуть на маленькой лавочке, пока остальные перебирали картошку и, если

не успевали, двигали рычагом. Вот что значит молодость – умение спать сном младенца и в тряске, и при грохоте.

Поначалу кормили нас какие-то наёмные тети-колхозницы. Готовили, по-столовски, плохо. Первыми возмутились наши мальчишки. Самый активный Сашка-Рыжий на вечернем построении предложил:

– Давайте сами будем готовить! Выделим пару рабочих по столовой, а я буду шеф-поваром!

Начальник отряда предложение одобрил. Работать в столовой согласилась пара девчонок. Им, конечно, приходилось раньше всех вставать, зато не нужно было работать в поле.

Сашка проявлял чудеса кулинарии. К тому же «своим» плохую стряпню ни за что бы ни простили. Недели через две мы стали обнаруживать, что джинсики с трудом уже сходятся на талии у многих.

По вечерам устраивали «сейшены», с песнями под гитары, шутками и ржачем. Наш барак был на отшибе поселка, и к местным ребятам интереса никто не проявлял. Нам и в своем коллективе было интересно и весело.

В нашей комбайнерской бригаде главной зажигалкой была Верка. Она умела так заразительно смеяться по любому незначительному случаю, что, в итоге, ухахатывались я, застенчивая Танюшка и даже серьезная Ирка.

Как-то раз мы тряслись, сидя на комбайне, возвращаясь по ухабам с поля.

- А-ха-ха! – залилась вдруг Веерка, – Смотрите, у кого-то колесо отвалилось!
- А-ха-ха! – подхватили мы.
- Это же наше колесо! – сказала Ирка.

Комбайн ткнулся передним краем в землю, тракторист остановился.

– А-ха-ха! – не унималась Верка, – И правда наше!

Но вскоре наше комбайнерское счастье закончилось. Мы, оказывается, убрали весь урожай в колхозе. А отпустить нас домой было нельзя, пока весь район не уберет картошку.

Нас стали гонять в поля убирать то, что осталось после комбайнов. Это был настоящий ад. Нужно было ходить по полю и собирать всю мелочевку, оставшуюся на земле. Приходилось наклоняться через каждые полметра, чтобы поднять картофельную горошину. Если было лень нагибаться, картошка попросту втапывалась в мягкую землю, чтобы предательски не отсвечивать на поле.

Как только уезжало сельхоз начальство, мы тут же укладывались в ближайшей посадке и валялись. Кто-то дремал, остальные травили анекдоты и байки. И только одна девочка методично прочесывала окрестности в поисках грибов.

Еще в первый день приезда на картошку, она всем завела:

– Зовите меня Марадоной!

Наступила немая пауза. Наконец, кто-то осторожно спросил:

– А почему-Марадоной-то?

– А у меня вон на майке написано: «Марадона».

Похихикав и покрутив пальцем у виска, народ согласился на странное прозвище. Так Марадона стала Марадоной. Причем, многие вскоре даже забыли ее настоящее имя.

Днем за нами приезжал автобус, чтобы отвезти на базу обедать. Однажды пока Марадона где-то бродила в поисках даров природы, уехали без нее. По возвращении нас ждала гневная тирада с кучей непечатных выражений.

После этого никто не рисковал уезжать с поля без Марадоны. С легкой руки Аллы, Марадона получила еще одно добавочное прозвище – Белка.

– Белку в лесу не забыли? – кто-то обязательно произносил этот вопрос в автобусе перед тем, как тронуться.

– Тут я, тут, – откуда-нибудь злобно шипела Марадона, и автобус трогался под залихватский смех коллектива.

В нашем бараке были печки, когда стало холодно их стали топить. Марадона-Белка мгновенно оккупировала этот источник тепла и стала там сушить грибы, гневно сметая одежду и сырую обувь.

В конце нашей картофельной эпопеи, Марадона вытащила из барака внушительный мешок с сушеными грибами.

– Вот тебе и Белка, – кто-то с нотками зависти присвистнул в автобусе.

Нашего начальника отряда мы оценили, когда стали получать зарплату. Самые добросовестные передовики получили по сотне рублей и даже больше. Когда мы вернулись в Москву, многие ребята из училища, которые трудились в других хозяйствах, рассказали, что не заработали ни копейки.

Елена Львовна и Светлана Леопардовна

В октябре мы начали, наконец, учиться. наших преподавателей по специальности звали Елена Львовна и Светлана Арнольдовна. С чьей-то легкой руки, после первого знакомства, все стали их называть Елена Львовна и Светлана Леопардовна. Они, казалось, будучи полными противоположностями, многие годы благополучно трудились рука об руку.

Елена Львовна была сама серьезность. При показе отрывка или этюда, она всегда внимательно наблюдала за происходящим из-под очков своими умными глазами, с чуть опущенными вниз внешними уголками век. Это делало ее похожей на бладхаунда. Когда нужно было дать свою оценку увиденному, она неторопливо слегка приподнимала оправу и высказывала свои мысли.

Светлана Арнольдовна, наоборот, была хохотушкой и воплощением эмоциональности. У нее были глаза, похожие на лукавую лисичку и красивые каштановые кудрявые волосы, которые она собирала заколкой на затылке.

Они обе, такие разные, и вместе с тем, единые в своей профессии, учили нас мастерству актера и режиссуре, что называется, «по школе», по Станиславскому. Серьезно, вьедливо, по шажочку, мы вместе с ними осваивали театральную науку.

Самое главное, в профессии режиссёра, как и у врача – «не навреди». Не разрушь природную органику, не дай ученику обрасти пошлыми «штампами». Дай возможность развиваться внутренним естественным чувствам и действиям.

Когда у нас к третьему курсу заиграла на сцене самая «деревянная» ученица, я поняла, насколько правильно учили нас наши преподавательницы.

– Учитесь наблюдать, – говорила нам на первом занятии Елена Львовна.

– Да, да, – вторила ей Светлана Арнольдовна, – Заведите дневник, и записывайте туда то, что вы видите вокруг. Характеры людей, их повадки, мимику и жесты.

Дневник, я конечно завела. Но после пары заполненных страничек, задвинула подальше. А вот наблюдать за людьми люблю до сих пор.

Первые этюды. Как мучительно было их придумывать. Хотелось показать себя на занятии с самой лучшей стороны и получить одобрение своих учителей.

Потом были отрывки, где приходилось быть режиссером у себя и актером у однокурсников. Наши «мамочки» никогда нас не бросали в свободное плавание. Они так тонко умели выстроить положение на репетиции, что наши, не всегда умелые действия, не давали ощущения собственной беспомощности.

Однажды мне дали роль главной героини в отрывке из пьесы «Дом Бернарды Альбы». Я должна была сыграть младшую дочь пуританского испанского семейства, которая влюбляется в молодого человека, это не одобряют мать и сёстры и доводят в итоге девушку до самоубийства.

Когда мы начали репетировать, у меня ничего не получалось. Тогда Елена Львовна, видя мои неумелые потуги сыграть любовь, сказала:

– Мать, тебе нужно влюбиться, иначе ничего не получится. Или придумать себе влюбленность и попытаться прожить это состояние.

Я всю ночь проворочалась на койке в общежитии. «Ну, в кого влюбляться то?» – крутилось у меня в голове. Попыталась повспоминать прежние чувства, но все бывшие объекты моей любви, оказались каким-то жалкими и несимпатичными.

«Надо придумать себе героя, – решила я. – Вот, например, такого, как Абдулов в «Обыкновенном чуде».

Все последующие дни я мысленно влюблялась в актера. И когда на следующей репетиции вышла на сцену с накопленными чувствами, у меня постепенно стал вырисовываться сценический образ.

Появились совершенно другие интонации, когда я рассказывала о своем возлюбленном на сцене. А на показе разыгралась так, что рванула за кулисы якобы «вешаться» так отчаянно, что зацепилась на лесенке подолом юбки за деревянную ступеньку и рухнула кульком за задник.

Из зрительного зала людям было не видно, что я так позорно грохнулась и валяюсь вверх ногами. А меня просто душил смех от комичности ситуации и только что пережитых на сцене эмоций.

– Ты живая? – подползла ко мне Верка, – А то мы тут подумали, что ты убилась.

– Жии... иии.. ваяя! – еле выдавила я из себя, и поползла к проходу на четвереньках, путаясь в злополучной юбке.

С этим задником позже была другая история. Сцена в училище была самодельная, приспособленная. Просто в части зала сколотили помост, повесили по бокам кулисы. Выход был только, с одной стороны. Попасть в другую часть кулис можно было, протиснувшись осторожно между стеной и задником.

Чтобы менять реквизит и декорации для разных отрывков, приходилось перед показом делать технический прогон, чтобы в закулисной тесноте перестановки были незаметными.

Перед показом мы «зарепетировались» допоздна. Все уже валялись с ног. В стареньком, тогда еще не отремонтированном зале, из многих кресел повывадали сиденья. Мы их складывали рядами в проходах и заваливались подремать.

Наконец, репетиция отрывков закончилась и, несмотря на поздний час, технический прогон был необходим.

– Так, – серьезно сказала Елена Львовна, – У кого есть задний проход?

В зале и за кулисами никто не шелохнулся. На помощь пришла Светлана Арнольдовна. Она провозгласила фразу более громогласно:

– Мы еще раз спрашиваем, у кого есть задний проход?!

Кто-то из лежачих в зале ехидненько хихикнул. И тут до всех дошел двойственный смысл данной фразы. Хохотали все так, словно, ни у кого усталости и не было вовсе.

Общага

Наше училище было областным. Поэтому в нем учились в основном все, кто жил в московской области. Были и москвичи. Всем областникам давали общагу. Это было удобно, она находилась неподалеку от училища.

На выходные девчонки разъезжались по домам, а на неделе жили в общаге. Комнаты были огромные, в них селили по 6—8 человек. Нас поначалу, даже десять запихнули. Но потом через пару месяцев как-то расселили, и нас осталось пятеро. Шкафами разгородили комнату пополам, и получились спальня и гостиная.

Поначалу решили питаться в складчину. С нами вместе поселилась Надюшка, она училась на оркестровом отделении. Мы пропадали в училище допоздна, а Надюшка освобождалась раньше и ходила по магазинам. Потом тщательно, высчитывая траты до копейки, выставляя всем счет. Но эта идиллия продлилась недолго.

Денег не хватало всем, и Надюшке надоело выколачивать со всех потраченные копейки. В основном, еду все старались везти из дома. У кого что было. В основном, картошку и соленья. У Ирки мама работала на мясокомбинате. Она иногда привозила вареную колбаску.

Надюшка жила около птицефабрики, там за бутылку самогона рабочие выносили цыплят мешками. Поэтому она частенько привозила куриные пупки или печенку, а иногда курочек.

Утром мы обычно не завтракали, спали до последнего. Обедать ходили в институтскую столовую. А вечером уже готовили.

В понедельник у нас был пир, во вторник, просто ужин, в среду подчищали, что осталось, в четверг ездили на «Речной вокзал» в «пельменную», а в пятницу по домам к мамам.

Это были последние годы перед развалом Советского союза. В магазинах тогда было не густо, так что перебивались, как могли. Если вечером после занятий удавалось купить батон белого хлеба и баночку кабачковой икры, считай, что день удался.

Общага была четырехэтажным домом. На каждом этаже длинный коридор, вдоль которого по обеим сторонам располагались комнаты. В конце коридора был туалет, умывальники и кухня. Душ для всех на первом этаже.

Комфортом и удобствами в те времена мало кто был избалован. Поэтому, все посчитали, что такой расклад вполне сносный для жизни.

Весь первый курс мы жили мирно и спокойно. А вот на следующий год на нашем этаже появилась «нехорошая» комната.

В нее заселили первокурсниц-хореографичек. Причем, судя по всему, группа танцорок тогда подобралась весьма раскованная. Они тут же перезнакомились с мальчишками-оркестрантами, которых всегда селили на первом этаже поближе к коменданту общаги. И стали открыто жить в одной комнате не впятером, а уже вдесятером, изредка переругиваясь с дежурящими вахтершами.

Уж как там они уместались, мы не видели. Но на этаже стали происходить странные вещи. То сапоги у кого-то пропадут, то косметика. Обиднее всего было, когда из кухни начала волшебным образом пропадать приготовленная пища.

Как-то раз Надюшка привезла очередную курицу. И мы, из-за лени, её решили просто сварить в кастрюле целиком. Пока курица кипела в кастрюле, приходилось, по очереди, выходить на кухню дежурить.

Последней дежурной оказалась Верка. Когда курица сварилась, она поняла, что забыла прихватки и побежала за ними в комнату, быстро схватила и метнулась вновь на кухню.

– А-а-а-ха-хаха! – очень скоро услышали мы за дверью, вместо привычного – Девчонки, открывайте!

Дверь, разумеется, открыли, и Верка внесла еще булькающую кастрюлю с курицей в комнату. Она бухнула ее на стол и рухнула хохотать на свою кровать.

– Что? Что случилось? – обступили мы ее со всех сторон.

– Ииии, – визжала подруга, – Там, там, ииии, в кастрюле, иииии...

Как всегда, серьезная Ирка, заглянула в кастрюлю.

– Девки, – сказала удивленно она, – У курицы кто-то оторвал одну ногу...

Мы, конечно, расхохотались все, недоумевая, какой скоростью и чудесами манипуляций должен был обладать тот, кто за 10—15 секунд умудрился забежать на кухню, пока Верка бегала за тряпкой, и оторвать куриную ногу в кипящей кастрюле.

Как жаль, что в те времена еще не существовало скрытых видеокамер. Я думаю, ролик этого подвига наверняка в наши дни стал бы хитом ютуба.

Меня здесь нет

– Вы, как будущие режиссеры, обязаны ходить в театры и смотреть спектакли, – заявили нам наши преподавательницы на одном из первых занятий.

Нас такой расклад только порадовал. Тем более, что мы знали, что как студенты творческих учебных заведений, можем ходить и смотреть театральные спектакли бесплатно. Все с нетерпением ждали получения студенческих билетов.

Однако, получив заветные корочки, поняли, что театральные администраторы нас не жалуют. Кулёк, одним словом. Вот студентам ГИТИСА или ЩУКИ бесплатные входные билеты выдавались практически беспрекословно.

А нам приходилось унижительно стоять в очереди к окошку администратора и кланяться «входной». Не помогала даже бумага, выписанная директором училища. Мы – кулёк, а значит, мы никто.

Бесплатные входные давали в основном туда, где было мало зрителей и много пустых мест. А стало быть, беспрепятственно пускали смотреть только зрительский «невостроб», попасть на популярные спектакли было не реально.

Этой огорчительной новостью я поделилась с мамой во время очередного визита домой.

– Подумаешь, цацы какие! – подбодрила меня мама, – Да и плюйте на них! Нас, учащихся эстрадно-циркового училища тоже не всегда жаловали администраторы. Даже слушать не хотели, что мы учимся на отделении эстрады, клоунады и музыкальной эксцентрики и получаем, в первую очередь, актерскую профессию.

– И что же вы делали? – спросила я, – Плевали на них?

– Сейчас я тебе открою самый действенный и волшебный способ, – заговорщически подмигнула мне мама, – Он называется «Меня здесь нет!»

– Это как? – удивилась я.

– А так, что этим способом можно попасть куда угодно, – победоносно взглянула на меня мама, – Даже туда, где не дают «входные». Просто, спокойно, иди в толпе мимо билетерш и мысленно говори: «Меня здесь нет, меня здесь нет».

– А если поймают? – испуганно спросила я.

– Ну и завернут, подумаешь, – ответила мама, – Но зато есть шанс пройти!

Примчавшись в понедельник в общагу, я поделилась этим секретом со своими девчонками.

– Ха, а здорово, – сразу откликнулась Верка, – Надо попробовать.

– Я боюсь, – сказала вечный скептик Ирка.

В этот же вечер мы втроем помчались в Ленком. Там шла рок-опера «Юнона и Авось». Входные давали редко. Народ шёл на спектакль валом.

– Ну, что? Кто первый? – весело спросила Верка.

– Я боюсь! – прошептала Ирка.

– А пойду попробую, – ответила я.

Соблюдая мамину инструкцию, и твердя про себя «Меня здесь нет», я спокойно прошла мимо билетеров вместе с толпой. Я просто обалдела от того, как легко это у меня получилось, поэтому растерянно встала посередине фойе не зная, что делать.

Следом за мной таким же способом прошмыгнула Верка. За дверями у входа мы увидели только Иркины глаза, полные ужаса.

Прозвенел второй звонок.

– Слабачка, – махнула рукой Веерка, и повернулась ко мне – Пошли в гардероб, а то нас засекут.

Нам удалось найти свободные места на балконе. И хотя было не очень хорошо видно, мы получили массу впечатлений от этого чуда-спектакля. Делясь своими эмоциями взахлеб, мы дружно ввалились в нашу комнату в общежитии. Было тихо. На столе горела настольная лампа.

Ирка молча лежала на своей кровати в полутемной спальной части. Мы с Веркой при-молкли от неловкости. И буквально через секунду рванули к подруге. Сидя на кровати, все трое стали дружно рыдать от смеси счастья своей победы и обиды за Ирку. Немного успокоившись, оптимистичная Верка сказала:

– Ерунда! В следующий раз у тебя получится пройти!

– Нет, – тихо ответила Ирка, – я теперь боюсь еще сильнее. И даже пробовать не буду.

– Значит, потащим за руки, за ноги силой! – рассмеялись мы в ответ.

Агуреев

Свое обещание, данное Ирке, мы никак не могли осуществить. Она упорно не желала ходить в театры по способу «Меня здесь нет!», хоть застрелись. Не помогли ни уговоры, ни сеансы самовнушения, ничего. Пока в дело не вмешался случай и харизма нашего однокурсника.

Как-то вечером, в зимне-снежном декабре, когда падал красивый пушистый снег, сердце радостно сжималось в предчувствии новогоднего праздника и каникул, мы своей общажной комнатой отправились просто погулять по центру, поглазеть на витрины и насладиться предпраздничной атмосферой.

С нами увязался наш однокурсник Сережка Агуреев или попросту Агурей. Агурей был выдающейся личностью не только в нашей группе, но и на всем потоке, да что там, потоке, Серега был, можно сказать, звездой Кулька.

Он настолько был искренним, создавая комические образы, что зрители начинали улыбаться и смеяться уже при одном его появлении на сцене. А уж при кульминации зал просто гомерически хохотал.

Во-первых, он был очень способный паренек, во-вторых обладал удивительным комическим талантом. При этом был настолько простым и открытым человеком, что казалось понятие «звездной болезни» существовало где-то на другой планете.

В компании девчонок из нашей комнаты в количестве шести человек, Сережка чувствовал себя как рыба в воде. Он был свой в доску. Мы всей веселой компанией прошлись по тогда еще улице Горького, постояли около памятника Пушкину. Поели мороженого, подзамерзли и тут неожиданно Агурей предложил:

– А поехали в Олимпийский, заодно там и согреемся!

– А что там? А зачем? А почему? Спортом заниматься? – посыпались со всех сторон вопросы.

– Нет, – сказал Агурей, – Там идут «Рождественские встречи» Аллы Пугачевой. Огромный концерт, народу, правда, много, но вы же сами уверяете, чем больше народу, тем проще пройти!

– Ура! – заорали мы дружно, – Поехали! Вперед!

Ирка при этом как-то подозрительно промолчала, но отпираться не стала. И все дружно устремились в подземку. К стадиону от самого метро люди шли ручейками. На заснеженной площади, освещенной фонарями, черные фигурки были похожи на муравьев, которые спешат по своим тропкам к муравейнику.

На пандусе около самого здания было людно. Кто-то спрашивал лишний билетик, некоторые наоборот предлагали купить. Люди вертели в руках заветные бумажки и соображали, с какой стороны комплекса им лучше войти, чтобы попасть на свою трибуну. Огромные освещенные двери проглатывали счастливых с заветными билетами.

– Ну, что, девчонки, пошли? – бодро гаркнул Агурей.

– А, пошли! – подхватила Верка. – Тут вон сколько дверей, не пустят в одну, можно попытаться в другую!

– Внутри найдемся! – согласилась я.

Ирка вновь промолчала. Все, зная ее панический настрой на проход по принципу «Меня здесь нет», вопросительно на нее посмотрели. Но Ирка стояла и также молча озиралась по сторонам. Расценив, что молчание-знак согласия, мы двинулись штурмовать Олимпийский.

Пройти туда не составило никакого труда, это вам не узкий проход в Большом театре, который прикрывают грудью строгие билетерши. В широкие двери спорткомплекса люди шли потоком, группами по несколько человек, торжественно размахивая довольно крупными разноцветными бумажками.

Я даже не успела произнести мысленно магическое: «Меня здесь нет». Вместе с Ленкой мы уверенно шагнули в дверной проем. И спокойно прошли. В фойе тоже было людно. Не успев оглядеться, к нам подскочила Верка, вдали мелькал своей блондинисто-рыжей макушкой торчащих волос Агурей. Тут же подошли еще наши две подруги.

– Где Ирка? – заорали мы друг на друга.

– Она осталась на улице – пропищала Надюшка.

– Ни в какую не хочет заходить! – подтвердила Ларка.

– Да ёршкины ж матрешки! – выругался Агурей и скомандовал Верке, – Идем за мной!

Мы остались вчетвером в фойе и стали наблюдать. Агурей с какими-то театральными жестами вытащил Верку на улицу. Затем они прошли к следующей двери, возле которой стояла парализованная от страха Ирка. Они втроем примерно с минуту эмоционально жестикулировали. После чего Агурей схватил Ирку под ручку и вместе с толпой они ввалились в помещение. Верка благополучно проскользнула чуть поодаль за ними.

Обступив перепуганную Ирку, все набросились со смешками, дружественными похлопываниями по плечу и восторженными возгласами:

– Ну, что? Страшно?

– Коленки трясутся?

– Ну, Агурей, молодец! Если бы не он!...

Ирка довольно улыбалась, хлопала ресницами и произносила нечто нечленораздельное. Но интонации ее возгласов были положительными. Настойчиво звенел третий звонок, люди массово спешили занимать места на трибунах. Мы рванули за ними.

Стадион был полон. Вернее, половина стадиона, другую занимала огромная сцена с кучей музыкальной и световой аппаратуры. Люди на необъятных, как мне тогда показалось, трибунах копошились, рассаживаясь по местам.

У нас к тому моменту уже накопился определенный опыт хождения по театрам по бесплатным входным или без них. Например, не следует билетерам в зале совать в нос свой пригласительный, они непременно вас сразу же отправят на балкон или самую галерку.

Лучше всего тихонько сесть с краю ряда в партере, причем в той его части, где свободных мест больше всего. Если придут люди с билетами, можно извиниться и так же без паники сесть на свободные. Обычно, пересаживаться приходилось не много. Даже на самых аншлаговых спектаклях в партере всегда оставалось несколько свободных мест. То ли люди не приходили, то ли дорогие билеты кто-то все же не купил.

Но стадион – не маленький уютный театральный зрительный зал. Тут особенно по трибунам не побегаешь. К тому же уже заиграло вступление, и вспыхнули прожектора. Мы с Ленкой просто уселись в проходе на ступеньки, подложив под себя сумки. Кстати, таких, как мы, было не мало. И билетеры нас не прогоняли.

И вот началось зрелище. Я до этого не раз бывала на эстрадных концертах и даже как-то раз на стадионе «Динамо». Но размах «Олимпийского» впечатлял. Мы сидели где-то на одной из средних трибун почти напротив сцены, но все равно это было очень далеко. Артист, выходящий на сцену, смотрелся как Дюймовочка, то есть не выше двух сантиметров.

Шоу было потрясающим. Свет и декорации поразили мое воображение. На сцене появлялись певцы, один лучше другого. Зал каждого встречал и провожал овациями. И вот наступила кульминация. Настал черед самой Примадонны. Она вышла в белом костюме: свободной блузке, мини-юбочке и белых полусапожках. Такая маленькая и хрупкая. Но, главное, Алла Пугачева запела.

Зал замер. Казалось, что огромный многотысячный стадион затаил дыхание. Была только музыка и ее голос, чуть с хрипотцой, и знакомыми интонациями. К концу первого куплета у меня из глаз потекли слезы. Огромные соленые капли просто скатывались по щекам.

Меня очень удивила такая моя реакция. Я – человек, можно сказать, закаленный зрелищами, не плаксивый, не сентиментальный. Да и Алла пела о переживаниях взрослой женщины, откуда мне их понять и вдруг проникнуться в семнадцать-то лет? И, тем не менее, я сидела и искренне тихо плакала.

Песня закончилась, грянули бурные аплодисменты. Примадонна что-то доброе сказала зрителям и запела вторую песню. Слегка придя в себя от своей неожиданной реакции, я стала незаметно озираясь, разглядывая зрителей. Может быть, это только у меня, дуры впечатлительной, сдали нервы? Но нет, оказывается, вокруг плакали многие. Даже некоторые суровые мужчины смахивали слезу.

Алла овладела огромным стадионом полностью. Она смеялась и все смеялись, она грустила и все это невольно подхватывали. Я не могла понять, как эта маленькая куколка, половина мальчика-с-пальчика по виду из зала, могла так воздействовать на многотысячную толпу.

Рядом со мной сидела девчушка с театральным биноклем. Я попросила ее дать в него посмотреть. Девчушка миролюбиво согласилась. Сквозь окуляры бинокля Алла Борисовна выглядела ненамного крупнее. Конечно, уже можно было разглядеть черты лица и блески на костюме. Но это ничего не меняло.

Ее хотелось слушать бесконечно. Вместе с ней плакать и смеяться, сочувствовать и сострадать всему: миру, жизни, людям, природе. Концерт закончился. Меня переполняли невероятные чувства и эмоции. Своих друзей в одевающейся толпе мы с Ленкой не нашли. И молча вдвоем медленно вместе с другими потопали по проходам, выстроенным милицией к метро.

В общаге, рухнув на свою койку, я еще долго не могла уснуть и думала о том, какая гениальная певица Алла Пугачева. Она актриса, она глыба, непостижимый талант. Видимо боженька, когда при рождении мазал елеем младенцев, капнул ей одну из самых густых капель своего благословения. И она это оправдала.

Аминь...

Малёк

У нас на курсе оказалось четыре Лены. Клички давать было не принято. Но с легкой руки Светланы Арнольдовны одной из Ленок все же досталось прозвище – Малёк. Отчасти оно происходило от фамилии, плюс эта Ленка была маленького роста. Поэтому в данном контексте Малёк звучало как уменьшительно-ласкательное имя. К тому же Ленка этому и не сопротивлялась.

Малёк в нашем бесшабашном Д'Артаньянско-мушкетерском сообществе была мудрым Атосом. Рассудительным, интеллектуальным и сдержанным человеком. Она умела сгладить все бурные эмоции, все расставить по полочкам, а главное, предложить пути решения любой проблемы.

За опозданиями на занятия в училище следили довольно строго. И если москвичам, не проживающим в общежитии, задержки как-то прощались, хотя те и не опаздывали практически, общежитийским за подобные нарушения полагалась порядочная взбучка. Потому что общежитие находилось в пяти минутах ходьбы.

Учебой мы были заняты довольно плотно. С утра до вечера в училище, потом по театрам или писать контрольные и рефераты, коих задавали немерено. Так что на бессонницу никто не жаловался, скорее на недосып.

Спали мы буквально, как говорится «до последней минутки». Только правильная Надюшка-оркестрантка вставала рано. Она успевала даже вскипятить чайник и позавтракать. Мы вскакивали минут за 20—15 до начала лекции, наспех умывались, одевались и мчались в училище. Причем по самому короткому пути – натоптанной тропинке между домов вдоль теплотрассы.

Обычно на простых лекциях, особенно по искусству, можно было еще подремать и окончательно проснуться. На специальности – режиссуре это было невозможно. А нам как назло поставили этот предмет в один из дней первой пары.

По традиции каждое занятие начиналось с так называемого «Зачина». Мы должны были придумать какие-то забавные этюды или скетчи, желательные смешные, и показать. Обычные этюды родить было не легко, а уж смешные – вдвойне труднее. Юмор, кстати в любом виде творчества самая сложная штука. Легче заставить зрителей рыдать, нежели рассмеяться.

В один злополучный утренний день режиссуры мы полусонные примчались в училище. Все собрались на лестнице пятого этажа у кабинета. Очень быстро выяснилось, что Зачин никто не придумал. Кто-то накануне поздно вернулся из театра, другие до полуночи писали рефераты. В общем, причины нашлись. Но надо было быстро найти выход из данной ситуации.

На широком подоконнике, болтая ножками, сидела Малёк, наблюдая над нашими трагическо-паническими выпадами по этому поводу.

– А может так и скажем преподам, что не успели, мол, не придумали ничего – сказал кто-то с надеждой в голосе.

– Ты что? С ума сошла? Сказать такое Арнольдшне с Леопардсн? – накинлись все на несчашную.

– Эшо ты можешь признаться, что свой эшо не придумала, может, простят – подхватил кто-то, – А тут, чтобы вся группа и не подготовили!!!

– Убьют! – тихо пискнули из-за спины.

Нашупила мхатовская пауза, все стояли молча, как перед неминуемой казнью. И тут Малёк спрыгнула с подоконника.

– Есть идея! – сказала Ленка свою коронную фразу.

По толпе прокатился обнадеживающий ропот.

– Вытаскивай шнурки! – скомандовала Малёк, ткнув пальцем в чьи-то новенькие кроссовки.

Ленке верили безошворочно. Даже не задавая лишних вопросов, обладательница шнурков стала судорожно их расшнуровывать.

– Значит, так, – важно провозгласила Ленка. – Ты будешь Еленой Львовной, ты – Арнольдсн, ты – завучем, а ты директором училища Равилем Алиевичем! Роль нерадивого студента я так и быть возьму на себя. Задача такая: я вру про причину своего опоздания Львовне, та, приукрашивая и выкручиваясь, Арнольдсн, далее по кругу. По ходу импровизируем. Всё!

– А шнурки то зачем? – спросил кто-то, – Повеситься что ли?

– Некогда объяснять, – быстро протараторила Ленка, – На ходу поймешь, что к чему.

Мы со вздохом облегчения ввалились в аудиторию, плохо соображая, что из этого получится. Рассевшись по своим стульчикам вдоль противоположных стенок, все стали ждать своих любимых преподав.

Елена Львовна со Светланой Арнольдсн, как обычно энергично прошествовали в аудиторию и сели на свои места за столом. Стояла тишина. Все переглядывались друг с другом, не зная, с чего начать. Ленка на этот счет инструкций не дала.

– Ну-с, – Елена Львовна поправила свои большие очки. – Мы готовы.

– Где Зачин? – как всегда хитренько улыбнулась Светлана Арнольдсн.

Все сидели молча, как истуканы. Никто не решался что-либо сказать. Немая сцена явно затягивалась и препода уже начали заметно недоуменно переглядываться и смотреть на нас с читающимсь во взгляде вопросом. Как вдруг в дверь постучали.

– Можно войти? – пропищала в приоткрытую дверь Ленка.

– Войди, – Елена Львовна сурово нахмурила брови. Она жутко не любила опаздывающих, и гневная тирада была готова вот-вот выплеснуться наружу.

Ленка проскользнула в аудиторию и рванула не к ним, а к Верке со словами:

– Елена Львовна, понимаете, я примчалась на платформу, а там неожиданно отменили электричку, сказали, что перед нами срочно разобрали пути, чтобы перевезти через переезд фуру с редкими африканскими слонами для зоопарка.

При этом Малёк, произнося свой сумбурный монолог, навешивала на Веркины уши белые шнурки из кроссовок, как лапшу. Все сидели, открыв от неожиданности рты.

– Ну, – Малёк незаметно ткнула пальцем Верку, – продолжай!

– Вы знаете, Светлана Арнольдовна, – мгновенно сообразив, Верка метнулась в Аллочке, – Сегодня наши студенты не смогли вовремя приехать на занятия. Там, оказывается разобрали пути для слонов!

– Ах-ха-ха-ха-ха! – заливисто, как Светлана Арнольдовна взметнулась Аллочка, – Каких слонов?

– Африканских – невозмутимо ответила Верка, снимая со своих ушей шнурки-лапшу и надевая их на уши партнерши.

По аудитории покатился смех. Преподы заулыбались, с интересом наблюдая, что же будет дальше.

– Александр Борисович, – Аллочка метнулась к Ирке, – Понимаете, это форменное безобразиие, отменяют неожиданно электрички, студенты не могут вовремя попасть на занятия. Оказывается, там слонов перевозили...

– Каких еще слонов? Вы в своем уме? – Ирка выпучила свои и без того огромные глазищи, – Как я буду про слонов директору докладывать?

– Ну, придумайте что-нибудь, – весело сказала Аллочка-Арнольдовна и лихо навесила шнурки на уши Ирке, исполняющей роль завуча.

– Равиль Алиевич! – Ирка важно подкатила к Сережке Агурееву, – Понимаете, тут какая штука. У нас оказывается в стране беда с железнодорожным транспортом, студенты из-за этого опаздывают. Нужно принимать меры.

– Да вы что? – лихо развернулся Агурей – наш великий комик.

Аудитория начала хохотать гомерически, включая преподавателей. Раскололась даже Ирка. Она стояла, тряслась, пытаясь сдержать смех, и мотала головой. Агурей деловито подошел к ней и стал стаскивать шнурки-лапшу с ушей Ирки и самостоятельно напяливать их на свои уши.

– Так что вы там говорили про слонов? – серьезно сказал Агурей.

Народ стал сползать со стульев от хохота. Ирка неожиданно взяла себя в руки и ответила серьезно:

– Я вам про слонов ничего не говорил...

Тут началось просто невообразимое. Все хохотали так, что уже остальных реплик Агурея было не слышно. Светлана Арнольдовна вытащила из сумочки носовой платок и начала вытирать потекшую тушь. Елена Львовна сдержанно похохатывала, но сохранить серьезный вид ей едва удавалось. Через некоторое время, отсмеявшись, объявили перерыв.

Все высыпали в коридор, обступили Малька.

– Ну, Ленка, ну ты даешь! Как ты это придумала? Молодец! – несло со всех сторон.

– Да, ерунда, – Ленка смущенно пожимала плечами и обнималась со всеми. – Получилось, и, слава богу! Вы теперь о своих этюдах думайте.

Этюды

Первые этюды, первые пробы выхода на маленькую приспособленную сцену нашей аудитории, как же все это было не просто. Мы ломали головы, советовались друг с другом. Много не получалось. Но наши любимые мамы – Елена Львовна и Светлана Арнольдовна никогда никого не ругали. Они лишь очень тактично указывали на ошибки. От этого, понимая собственную несостоятельность, хотелось придумывать что-то лучшее дальше и дальше.

Как-то раз нам задали придумать этюды про детей. Но тут возникли какие-то праздники, можно сказать мини-каникулы, все разъехались по домам и мало кому хотелось ломать голову над заданием в домашней обстановке с друзьями и близкими.

Когда собрались вновь на учебу, выяснилось, что кто-то что-то придумал, даже привез из дома кое-какой детский реквизит. Но в целом многие свои истории представляли в общих чертах.

Тема «Дети» кажется на первый взгляд легкой. Но на деле, она очень сложная. Сыграть органично ребенка, вернее прожить ребенком в предлагаемых обстоятельствах труднее, чем изобразить повесившуюся девушку от неразделенной любви.

Все что-то показывали, многое не очень удачно. Мои подружки по комнате, не придумав выстроенной драматургии, решили позвать на помощь Агурей. Тот, кстати, с детской темой вообще не знал, что делать. Репетировать особенно было некогда. Поэтому, надеясь на авось, Сережке просто поставили задачу: мы дети, а ты наш воспитатель в детском саду. Остальное отдали на откуп импровизации.

Когда три великовозрастные девицы в детских колготках с бантами на голове, игрушками и погремушками выползли на сцену, это смотрелось мило, но не столь убедительно. И тут вышел нянь Агурей. Что потом происходило, не поддается никакому описанию. Но то, как органично Сережка справлялся с капризными дитятами, смотрелось великолепно. Все смеялись, и отважной четверке за этот этюд поставили пятерки.

Катька-Авантюра

Летняя сессия оказалась не столь уж насыщенной. Зачёты все еще в мае сдали, осталось два экзамена. Общежитие опустело. Между первым и вторым экзаменом оказался промежуток в полтора дня. Ни туда и ни сюда. Домой ехать не было смысла, и мы с Ирккой решили остаться в общежитии, чтобы выспаться, плюс день на подготовку, на следующий сдача и тогда уже по домам.

Мы молча валялись на кроватях. Читать после экзамена не хотелось, спать, как ни странно, тоже. Вдруг в дверь комнаты кто-то деликатно постучал. Мы промолчали. Потом дверь тихонько скрипнула и на пороге оказалась Катька. Она деловито обвела взглядом комнату и вопросительно уставилась на нас.

- Валяетесь? – будто не видя, уточнила она зачем-то.
- Валяемся, – подтвердила я.

Катька деловито прошлась по комнате, зачем-то полистала учебник, лежащий на столе. И начала заходить издалека:

- А чего домой не поехали?

Объяснять было лень, к тому же и так все было понятно. Катька выдержала еще одну паузу. И, наконец, сделала свой коронный заход. Она зажмурилась, потом красиво распахнула свои пушистые ресницы, обрамлявшие большие голубые, чуть навывкат глаза.

– А, знаете, что, девчонки, – как всегда заговорщически сказала Катька, – Поехали ко мне на дачу, там рядом красивое озеро, искупаемся. И дача тут рядом, в Долгопрудном, ехать пятнадцать минут на автобусе.

Мы с Ирккой лежали молча, как два замученных зомби, не реагирующих на окружающие события. Тогда Катька пошла в наступление:

– Дуры вы! – назидательно сказала она, – Когда еще такой шанс выпадет. Дача под боком, озеро, лето. К тому же вечером вернетесь в общежитие и штудлируйте свою культурологию со свежими мозгами.

– А может, правда, поедем? – робко спросила Ирка, – Что тут в общежитии то париться? Там более купальники есть.

Купальники мы действительно привезли в надежде в перерывах купаться в Москве-реке на Левобережной. Там, где-то, говорили, был неплохой пляж и чистая вода. Правда сходить на разведку никто из нас так и не удосужился. Так что получалось, что купальники мы привезли зря. И тут я сдалась:

- А поехали, еще почти целый день впереди, а вечером вернемся.

Мы быстро оделись и налегке выпорхнули из общаги. В сторону Долгопрудного до этого никто из нас ни разу не ездил. Но мы знали, что один из автобусов от Речного вокзала действительно проезжал мимо нашей общаги и следовал дальше в загадочный Долгопрудный.

Думаю, наша троица выглядела весьма занятно. Крепкая, небольшого роста Катька, сбитая и плотная, как новый туго накачанный баскетбольный мяч. У нее была круглая мордашка с огромными голубыми глазищами и пухлыми губами. Тощая высокая Ирка, про которых говорят «не в коня корм». Ирка была настоящий астеник, у нее полностью отсутствовала подкожная жировая клетчатка, оставались только косточки, обтянутые мышцами (Ирка занималась спортом), и видимо от того, что организм не накапливал никаких запасов, Ирка все время была голодная. У нее были пушистые светлые волосы, этакой копной на голове и если бы ей на шею повязать бант, то Ирка была бы вылитый Кот Леопольд из мультика. И я, девочка с косой до лопаток, без челки, похожая на строгую революционерку, презирующую буржуазные штучки в виде локонов и косметики.

Доехали быстро. Автобус был полупустой. На остановке в Долгопрудном мы вышли возле казенного полу обшарпанного здания с множеством распахнутых окон. Из них доносился смех и бряцанье гитары.

– Это общага физтехов, – деловито пояснила Катька, – А нам туда!

И мы пошли, ведомые подругой в сторону частных домиков по нешироким сельским улочкам. Минут через пятнадцать уже были на Катькиной даче. Это был заросший со всех сторон яблонями небольшой домик с верандой. Во дворе на натянутых веревках сушилось белье и одежда многочисленной Катькиной родни.

– Посидите тут, – скомандовала однокурсница, – Я быстренько переоденусь и пойдем.

Мы дружно бухнулись на лавку, наслаждаясь чистым воздухом и умиротворением летней жизни на природе. Наконец, на пороге появилась Катька, и мы двинули на озеро. Вышли за дачный поселок, пошли по тропинке между лесопосадкой и полем, на котором что-то кололось.

Всю дорогу Катька старательно трещала, рассказывая о том, как тут классно, какое чудесное озеро и здорово, что мы, телухи, оторвали свои попы от постелей и поехали с ней. Мы всё шли и шли, и казалось, эта тропинка и посадка никогда не закончатся.

– Далеко еще? – лениво спросила Ирка, – А то жарко что-то.

– Да вон там, посадка закончится, потом под бугорок и уже озеро. Там небось народищу! – тарахтела Катька.

На глаз казалось, это действительно недалеко. Только мы как-то медленно приближались к цели. И тут поднялся сначала легкий ветерок, потом по небу стали довольно быстро перемещаться тучки.

– А если сейчас дождь пойдет? – спросила я.

– Не успеет, – уверенно отрезала Катька, – Мы почти пришли. Ну, даже если и пойдет, искупаемся и назад.

Мы ускорили шаг. Но природа оказалась быстрее нас. Моментально налетел шквал ветра, подняв придорожную пыль. Небо над нами мгновенно почернело, и с неба посыпались редкие крупные капли. Мы в нерешительности остановились. Не дав нам шансов на раздумья, стихия обрушила на наши головы добротнейший ливень. Не сговариваясь, все трое рванули рысью назад к поселку.

Добежали мы быстро, но оказались мокрыми действительно с головы до ног. Катькина мама, увидев на пороге нас, абсолютно мокрых, стучащих от холода зубами, приказала всем быстро раздеваться. Мы с Ирккой стянули с себя мокрые майки и джинсы, с которых вода стекала струйками. Отжали их и повесили на веревки во дворе, с которых уже заботливо Катькина мама сняла сохнущее белье. Дождик прекратился, и даже выглянуло солнце.

– Девчонки, за мной! – скомандовала маман, и мы за ней потянулись на терраску. – Вот, Пейте!

На столе стояли три маленькие округлые стопочки, судя по всему с водкой.

– Не, нет, мы не пьем! – дружно запротестовали мы с Ирккой.

– Быстро, залпом и без разговоров! А то простуду схватите и кранты вашим экзаменам! – рявкнула Катькина мама.

Поглядывая друг на друга, морщась, нам пришлось подчиниться и выпить. Закусив пирожками, и напялив сухую дачную одежду, которую принесла Катькина мама, мы вывалились на улицу. Видок у нас с Ирккой был еще тот. В каких сундуках хранились эти цветастые длинные юбки и непонятного вида кофты, выяснить не представлялось возможным. Мы стали похожи на двух цыганок непонятным образом отбившихся от табора.

Катьке было проще, у нее на даче хранились приличные свои запасы одежды. Поэтому она вышла в современном сарафанчике.

– Ну, что, согрелись? – радостно выпалила нам она, – На озеро идти нет смысла. Что будем делать?

– Мы, пожалуй, лучше домой поедem, – протяжно, словно умоляя нас отпустить, сказала Ирка.

– Ну, домой, так домой, – согласилась Катька, – Тем более у меня полный дом родственников, я вас даже на ночлег не смогу тут оставить. Я вас провожу до остановки, а то вы еще тут заблудитесь.

Запахнув мокрую одежду в пакет, мы двинулись в путь. Пришлось ехать в том, что дали, наши джинсы после такой природной душевой, нужно было сушить минимум день или ночь.

Мы дошли до остановки и стали ждать автобус. Вдруг из распахнутого окна стоявшей рядом общаги физтеха высунулась брюнетистая голова с широкой белозубой улыбкой.

– Девчонки, айда к нам в гости – радостно завопила голова.

Мы, как приличные девушки сделали вид, что ничего не услышали и отвернулись, высматривая автобус. Его как назло не было. Вдруг из-за остановки нам на встречу выскочил невысокий темноволосый паренек, который улыбался, что называется во все свои 32 зуба.

– Девчонки, – добродушно сказал он, – Пойдемте к нам в гости, не подумайте ничего плохого. Просто мы с однокурсниками отмечаем сдачу экзамена. Одним скучно. Пойдемте!

Мы даже еще не успели придумать, что ответить и открыть рот, как наша Катькаскомандовала:

– Мы согласны! Идем! – и безапелляционным тоном уточнила, – Мы согласны, девочки.

Как два кролика, загипнотизированных удавом, мы с Ирккой поплелись вслед за паренком и уверенно шагавшей за ним Катькой.

Комната в общежитии, куда нас пригласили, оказалась не такой большой, как у нас. Жутко обшарпанная, по-холостяцки не обжитая. В ней находились четыре кровати с продавленной сеткой, стоящие вдоль стен и посередине громоздилась тумбочка, застеленная газетой. На ней красовался живописный натюрморт: останки вяленой рыбы, причем косточки лежали такие белые, словно их тщательно выварили, очистили и подготовили для изготовления макета скелета рыбьей особи.

Вся газета была усыпана крошками от черного хлеба, при этом ни одной корочки оно не наблюдалось. Сбоку стояла недопитая бутылка пива. Вернее, допитая, на дне болтался глоток или два. И в центре композиции – консервная банка с раскученной крышкой, отогнутой криво в сторону, в которой плавали в масле бычки от сигарет.

Мы с Ирккой замерли на пороге. Катька прошла вперед с инспекцией, но, думаю, никаких дополнительных улик она не обнаружила, кроме тех, которые лицезрели мы.

– Это вы так празднуете? – грозно накинулась она на паренка. – А приятели где?

– А меня Пашка зовут, – улыбался ей в ответ паренек, а ребята куда-то расползлись, сейчас соберу.

– Ну, знаешь, Катька, – не выдержала я. – Зачем ты нас сюда потащила? И вообще, мы не из тех, кто шляется по комнатам к парням.

– Девчонки, – заморгала как-то жалостно в ответ Катька, – Я и сама не ожидала.

– Вот, знакомьтесь, – подпихивая двух светловолосых парней вперед, радостно орал Пашка, – Это Серега, это Сашка!

– Мы уходим! – грозно сказала Катька. – Девочки, идем!

– Ну, куда же вы? – заперевивал Пашка, – Может, посидим, сейчас гитару принесем.

– Нет, – не менее сурово сказала я, – Нам еще надо добраться до Левобережной.

И мы двинули на выход. На остановку вслед за нами выкатилась вся троица. Вокруг Катьки Пашка щебетал, как воробей:

– Ну, девчонки, не обижайтесь, мы хорошие ребята, будущие физики. Мы ж вообще не пьем, мы же хотели с вами просто познакомиться.

Автобуса не было, как назло. Мы стояли с Ирккой, держась за руки, будто нас кто-то хотел растащить в разные стороны. Катька кокетничала с Пашкой, а два будущих физика скромно стояли в сторонке. «Ну и додики», – мелькнула у меня в голове мысль.

– И чего тут стоите? – прозвучал откуда-то сбоку надтреснутый старческий голос, – На табличку бы глянули, автобус ходит только до девяти.

Мимо нас прошаркала какая-то старушка с авоськами. На часах уже было половина десятого.

– А как же нам теперь уехать? – спросила я.

Пашка аж подпрыгнул на месте:

– Точно, вспомнил, этот только до девяти. Теперь надо или на станцию, или еще через центр ходит другой автобус до Речного. Мы вас проводим.

– Мне пора домой, – сказала Катька, – Меня мать убьет.

– Ну, значит, до дома провожу тебя я, а девчонок ребята проводят до центра, – радостно воскликнул Пашка.

Катька с Пашкой ушли в сторону дачного поселка. А мы с Ирккой в сопровождении застенчивых физиков пошли в сторону так называемого центра, куда указала Катька.

Ребята по дороге пытались нас как-то разговорить. Но у них это получалось весьма жалко и неумело. Одним словом, физики. Наконец, мы вышли на какую-то довольно широкую дорогу с автобусной остановкой.

– Это здесь проходит автобус? – спросила Ирка.

Ребята как-то странно переглянулись и начали нас уверять, что нам нужно идти дальше. Мы прошли дальше к какому-то микрорайону и стали уже подходить к домам. Меня это крайне насторожило, и я остановилась, дернув Ирку за руку:

– Так куда же мы идем? – грозно спросила я.

Парни как-то замялись, потом один из них выдавил:

– Понимаете, девчонки, вон в том доме живет Серега, родители уехали, мы хотим пригласить вас в гости.

Я резко развернулась. Гневу моему не было предела:

– Знаете что! – заорала я, – Идите вы... идите вы... идите вы на свою физику, додики чертовы!

Я рванула Ирку за руку, и мы побежали обратно к большой дороге, по пути оглядываясь, нет ли погони. Слава богу, ее не было. На остановке было пусто. На табличке не было указано время последнего автобуса. Мы стали ждать. Начало смеркаться. В небе зажглись первые звездочки. Ярче засветились розовым светом фонари вдоль дороги. Впервые в жизни мне этот свет показался вовсе не романтичным, а зловецким и коварным.

На остановке мы стояли одни, как две дуры в цветастых юбках и перекошенных кофтах, без денег, документов, чёрти где от общаги в долбаном Долгопрудном, из которого непонятно как выбирать. При этом проклиная Катьку и свою собственную глупость.

К остановке не спеша подковыляла нереальных размеров тётка с такими же огромными сумками. Мы ей обрадовались, как родной маме, кинувшись с вопросами, как нам отсюда выбраться.

Тётка не спеша взгромоздилась на лавочку, обложила сумками и лениво ответила:

– Автобус последний, должен быть минут через пятнадцать. А может и не быть. А на иликтичку-то, это вам воон в ту сторону шагать. Он оттудова и отходит, последний то.

У нас наступила жуткая паника. Что делать? Бежать на станцию? А вдруг автобус оттуда выедет и не остановится на дороге. До которого часа ходят электрички? Опять же, если на электричке, остановится ли она на платформе Левобережная, от которой еще топать минут сорок до общаги по темноте и это опасно.

– Но, вы то тоже автобус ждете? Значит, он приедет? – с надеждой спросила я у тёточки, которая в это время достала из сумки пирожок и начала смачно его жевать.

– А тебе-то какое дело? – презрительно ответила тётка и отвернулась.

Прошло по ощущениям примерно полчаса. Автобуса не было. Улицы давно опустели. Даже легковые автомобили не проезжали. В окнах домов горел свет. Там, в своих квартирах сидели долгопрудненцы, наверное, кто-то смотрел телевизор, кто-то, может быть, ужинал или уже спал. А мы, две дурехи, стояли на остановке и не знали, что делать.

В это время, тётка, дожевывая свой пирожок, подхватила свою поклажу и двинулась куда-то прочь, в темноту. Стало совсем жутко.

– Идем на станцию, – скомандовала я Ирке, – Может там есть еще какой-нибудь транспорт. Или хоть милиция попадет, кинемся в ноги, попросим помощи.

Ирка ничего не ответила. В отблеске фонарей я увидела, как ее огромные глазищи наполняются слезами. Мы взяли за руки, и пошли вдоль дороги к станции. Прошли метров сто или больше, как вдруг из-за поворота показался поворачивающий прямо на нас автобус. Точно он! Забыв обо всем мы, не сговариваясь, метнулись ему навстречу, размахивая руками в свете фар.

– Дяденька, миленький, остановитесь! – кричали мы в иступлении.

Автобус проехал мимо, подрулил к обочине, остановился и открыл двери. Мы влетели в него, словно на подножку уходящего последнего поезда в этой жизни.

Это был НАШ автобус. Редкие пассажиры с любопытством поглядывали на нас. А мы в истерике хохотали, обнимались, вспоминая пережитые приключения.

– Ну и Катька! Ну и афёра!

– Точно сказано – Катька-Афёра!

Через день, сдав первыми экзамен, мы поймали Катьку в коридоре училища.

– Катька! Афёра! Ты в какую историю нас втянула? – орали мы, перебивая друг друга и наспех рассказывая ей про все, что с нами было, когда ее пошел провожать Пашка.

Катька стояла и с невозмутимым видом смотрела на нас своими круглыми глазами, искренне не понимая, что она сделала такого нехорошего.

В следующий раз, когда Катька вновь зажмурила глаза, а потом красиво распахнула ресницы и сказала загадочно: «А, знаете, что, девчонки..», мы, не сговариваясь, заорали:

– Молчать!!! Катька-Афёра!!!

Чайник

После окончания первого курса нас отправили на практику. Мы вчетвером: я, Ирка, Верка и Ленка поехали в Раменское, вернее на его окраину, где находился Дом культуры от какой-то ткацкой фабрики. Молодым студенткам обрадовались и велели быстрее включаться в работу. Но перед этим заселиться в гостиницу.

«Отель» оказался весьма колоритным. Это был небольшой одноэтажный «Домик колхозника». Вахтерша открыла огромным древним ключом дверь, и, распахнув ее, сурово выдавила из себя приветствие:

– Добро пожаловать!

Комната оказалась большой и просторной, коек на двенадцать или больше. Огромные окна едва прикрывали выцветшие занавески, полупрозрачные, видимо от старости. Посередине комнаты у стены стоял стол и на нем торжественно громоздился алюминиевый электрический чайник и несколько мутноватых граненых стаканов с единственной чайной ложечкой.

– Шнур выдам под роспись, – буркнула вахтерша, и быстро ушаркала куда-то в глубину коридора.

Поскакав на сетках металлических кроватей, и выбрав менее продавленные из них, мы стали обживать. Кто-то сгонял за шнуром питания для чайника. Но, в данной ситуации электроприбор был бесполезным. Ни заварки, ни сахара у нас с собой не было. Да и вообще, никакой еды. Мы об этом как-то даже не подумали, а зря.

– Пошли искать столовку, – бодро предложила Верка. И все с ней согласились.

Заперев здоровущим ключом дверь на замок дореволюционных размеров, прошелестев мимо мрачной вахтерши, мы высыпали на улицу.

– И куда пойдём? – недоверчиво спросила Ирка. Все остановились в растерянности.

Справа, чуть поодаль проглядывала сквозь кусты железная дорога, которую утюжил маленький тепловозик. Впереди школа с небольшим стадионом, на котором тоскливо торчали остатки ржавых футбольных ворот и чернели вкопанные наполовину автомобильные покрышки. За школой находился Дом культуры, а за ним промышленная территория фабрики. Налево шла длинная дорога, вдоль которой почти впритык прилипли маленькие частные домики.

Недолго раздумывая, решили идти налево, где по нашим предположениям, должна была быть хоть какая-то цивилизация. С шутками и взрывами задорного смеха, подгоняемые голодом растущих организмов, мы двинули по обочине.

Когда идешь куда-то в первый раз, незнакомый путь почему-то кажется невыносимо длинным. Мы шли и шли, а злополучная дорога никак не хотела выводить нас в городок. Что поделать, окраина.

Как и во многих маленьких подмосковных городках, общественного транспорта, практически не было. Возможно, где-то в центре и ходил какой-нибудь пригородный автобус. Но на пути нашего следования ничего подобного не наблюдалось, даже ржавых остановок.

Примерно через час наш энтузиазм пропал окончательно. Пригревало полуденное летнее солнце и на улице никого не было. Вдруг в каком-то заросшем палисаднике зазвенело ведро. Подойдя поближе к забору, мы увидели, как среди густых кустов и деревьев мелькнул пестрый платочек.

– Бабушка! – чуть ли не хором рванули мы к калитке. – Вы нам не подскажете...

Старушка, судя по звуку, не спеша булькнула ведро в колодезь, потом перелила воду из колодезного ведра в другое и, наконец, открыла калитку.

– Здравствуйте! – тараторили мы наперебой, – Скажите, пожалуйста, у вас тут поблизости есть какая-нибудь столовая или кафешка?

Бабуля чинно поправила платочек на голове, внимательно оглядывая нас. При этом она явно недоумевала, откуда в этой глуши взялась стайка молоденьких девчонок.

– Бабушка, – как можно более проникновенно сказала Ленка, – Мы студентки из Москвы, приехали к вам на практику.

– Вот ищем, где тут у вас можно поесть, – добавила я, не менее умоляюще.

Наконец, старушка протяжно, слегка нараспев, заговорила:

– Стууденки?... Тут никаких лесторанов отродясь не было... Воон там, за поворотом сельпо. Токмо оно поди на обед закрылося... Хотя... может и поспеете ешо...

– Спасибо! – мы почти бегом рванули по дороге, чтобы «поспеть» хотя бы в сельпо.

За поворотом показался маленький домик, стоящий чуть в глубине от дороги. С решетками на оконцах и деревянным крыльчком, выкрашенным голубой краской, но уже изрядно облупившейся. Дверь была на наше счастье открыта, на ней болталась сероватого цвета марля от мух.

За прилавком сидела хмурая продавщица. Весь ее вид показывал, насколько она не рада нагрянувшим непонятно откуда покупательницам. Ассортимент сельмага оставлял желать лучшего. На полках, местами полупустых, торжественно громоздились трехлитровые банки с кусками огромных маринованных огурцов. Сбоку стояла небольшая горка консервов. Полки для хлеба были девственно пусты, видимо, все «свои» затарились свежими батонами еще с утра.

– Что будем брать? – как-то уж очень тоскливо спросила тощая Ирка. Особенность строения ее организма постоянно требовала пищи. И малейшее голодание наша подруга воспринимала как надвигающуюся катастрофу.

– Ну, во-первых, возьмем пачку чая и сахар, – предложила деловитая Ленка.

– Сахара нет! – грозно отрубил продавщица, до этого делавшая вид, что мы ей абсолютно не интересны, – Берите подушечки, еще остались.

– Тогда нам пачку чая и подушечек, – подступила я на выручку подругам, – Граммов триста.

Продавщица выложила на прилавок маленький кубик – упаковку грузинского чая, наклонилась куда-то под прилавок и стала скрести железным совком по какому-то ящику, видимо сгребая остатки подушечек. Потом ловким движением скрутила из серой бумаги кулек и насыпала туда горсть конфет, покрытых сахарной пудрой.

– Девки, – радостно сообщила Верка, словно сделала какое-то важное открытие и спешит нам об этом сообщить, – Надо купить макароны!

– Так их же варить надо, – с теплящейся надеждой в голосе сказала Ирка.

– В чайнике сварим! – торжественно ответила Верка, – И можно нам еще банку килек в томате.

Подхватив свою нехитрую добычу, мы помчались в гостиницу. Обратный путь уже не показался нам таким утомительным.

Чайник предательски долго не закипал. И Ирка ходила вокруг банки с килькой, как голодный кот, вокруг хозяйки в ожидании обеда. Наконец, о, радость, вода в пузатом друге тихонько зашумела, потом громче, и наконец, призывно забулькала.

Насыпав заварку прямо в стаканы, и залив их кипятком, в чайник закинули предварительно поломанные серые толстые макароны с дырочкой посередине. Они практически тут же предательски прилипли к нагревательной трубке на дне чайника.

– Ну, что? Сварились? – Ирка через каждые пару минут подскакивала к чайнику. И в какой-то момент ее ожидания все же увенчались успехом.

Тихонько, чтобы не увидела вахтерша, Ленка прошмыгнула в туалет и слила остатки воды в раковину. На дне чайника лежала клейкая макаронная масса. Мы уселись за стол вокруг и стали выуживать по очереди макароны единственной чайной ложечкой, изредка подцепляя кильку.

Все тихонько посмеивались, чтобы не привлечь внимание грозной вахтерши, которая за чайник нас бы точно убила.

Конфеты-подушечки оказались видимо такими древними, что разгрызть их, не поломав зуб, было нереально. Поэтому пришлось их просто покидать в стаканы с чаем, чтобы хоть как-то размочить.

Отплевываясь остатками заварки, смеясь, и передразнивая друг друга, пересказывая наш славный поход в сельпо, мы, наконец, завершили свою торжественную трапезу. Правда потом еще до глубокой ночи по очереди отскребали спираль чайника от приклеенных намертво макарон.

Позже нам выдали талоны на питание в фабричной столовой и до конца практики голодная смерть нам была на страшна.

Химическая красавица

На следующий день, выспавшись, пришли мы в Дом Культуры, чтобы приступить к работе. Нас приставили в помощь методисту – симпатичной кареглазой молодой женщине.

– Итак, девочки, вот наш план работы на месяц, – приветливо улыбаясь, сказала она, – Но я хочу от вас получить предложения и свежие идеи.

План оказался не столь уж грандиозным. В основном, нужно было работать на площадке с детьми школьного лагеря и помочь провести массовое мероприятие на открытой летней эстраде, расположенной в фабричном микрорайончике.

Мы, не особо напрягаясь, совместным мозговым штурмом накидали игровые программы для детишек. Этому нас научила замечательный преподаватель училища по «массовым играм».

С мероприятием на летней эстраде было гораздо сложнее. Нужны были яркие номера. На приглашенных артистов рассчитывать не приходилось, надо было все делать своими силами.

Вечером в своей шикарной гостинице мы уселись ломать голову над тем, что мы можем показать.

– Я могу станцевать цыганский танец, – предложила я.

Этот номер у меня был еще со школы. Спасибо, помогли занятия в хореографическом ансамбле. Мне достаточно было просто переделать этот номер из группового в сольный, слегка изменив рисунок танца.

Верку выручила гитара. Она знала много бардовских песен. Ирка с Ленкой выкрутились самыми удачными этюдами, которые мы отрепетировали и слегка изменили для показа мало-театральной аудитории.

Но нужен был смешной, яркий, зажигательный номер. Вот тут было гораздо сложнее. Кому в голову пришла мысль спеть частушки Сашки Рыжего, я не помню. Это были частушки, которые Сашка пел со своими друзьями на Арбате, и ими он охотно с нами поделился еще на картошке.

Частушки были примерно такие:

Когда едешь на Кавказ,
Солнце светит прямо в глаз,
Возвращаешься в Европу, солнце светит...
Тоже в глаз.

Вспомнили все по максимуму. Самые пошленькие отмели и получилось довольно мило. Частушки эти исполнялись на мотив лезгинки с неким кавказским акцентом. Однако, встал вопрос: а в чем их собственно петь?

На следующий день методист отвела нас в костюмерную Дома культуры. Цыганский наряд мы нашли, кое-какой реквизит для этюдов тоже. С кавказскими частушками была беда. Пришлось выбирать из того, что было.

Мы перевернули всю костюмерную, ассортимент которой был весьма скромный. Удалось найти какие-то а-ля русские рубашки-косоворотки, украинские шаровары с кушаками, пару непонятных или сюртуков, или камзолов и гуцульские меховые шапки.

Получился этакий балаган, но смотрелось мило, зрители смеялись и от души нам аплодировали.

Еще перед началом всего мероприятия к нам подбежала растерянная методист.

– Девчонки, выручайте, – взволнованно сказала она. – Мы на мероприятие пригласили победительницу конкурса красоты из соседнего района, а она не приехала. А в программе уже заявлена встреча со зрителями и все ждут этого с нетерпением.

В те годы по стране прокатились всевозможные конкурсы красоты. Причем начиная от столицы, заканчивая мелкими городишками. У людей подобные мероприятия вызвали неподдельный интерес, поэтому даже просто задать вопрос пусть не столичной, но все же красавице пожелали многие, ради этого они, собственно, и пришли на это мероприятие.

– Так, а как мы то можем помочь в этом? – спросила робеющая Ирка, одергивая вниз явно коротковатую тельняшку.

– Ну, миленькие, выручайте, – не унималась методист, – Объявим, что к нам приехала красавица, но из Химок, например, вы же там учитесь неподалеку!

Мы стояли, открыв рты, прикидывая, кому можно поручить столь ответственную роль. Ирка в своей тельняшке явно не подходила, Верка тоже была в джинсах и какой-то клетчатой рубашке, как с фестиваля бардов. Ленка вообще смотрелась чересчур серьезно, поглядывая сквозь свои затемненные очки с диоптриями.

И лишь я стояла в приталенной голубой юбке, кружевной хлопчатобумажной белой блузке и туфельках на шпильке. Все, не сговариваясь, ткнули в меня пальцем. Я перепугалась так, что у меня затряслись руки.

– Нет.. я.. я боюсь, – заикаясь попыталась я протестовать.

– Не бойся, – радостно сказала методист. – Вот тебе примерные вопросы, там ничего сложного. В случае неожиданной импровизации из зала, я тебе приду на помощь, вместе выкрутимся.

Отработав свои номера, мои подруги расслабились, собрали костюмы и украдкой поглядывали на меня, сдерживая смехи. Я стояла за эстрадой и дрожала, как осиновый лист, переминаясь с ноги на ногу, почти приседая, изредка выдергивая застревающие в мягком газоне острые каблочки-шпильки. Заплетенную косу пришлось распустить для пушей красоты.

И тут где-то далеко, словно в пелене густого тумана я услышала голос, долетающий с другой стороны сцены:

– Встречайте, у нас в гостях Химкинская красавица!

Я чуть не упала в обморок. Верные подруги подхватили меня и подтолкнули к выходу.

– Не бойся! Станиславский тебе в помощь, – по-доброму подбодрила меня Ирка, – Иди, не подведи нас, главное, улыбайся.

Происходящее на сцене я помню смутно. Со всех сторон посыпались вопросы, в целом довольно простые и даже глупые:

– Какое ваше любимое блюдо?

– Пельмени, – не моргнув глазом ответила я. Зал одобрительно загудел.

– А какой у вас размер талии?

– 62 сантиметра, – так же невозмутимо ответила я. Сказать, что я прямо эталон 90х60х90 я как-то постеснялась, прибавив на всякий случай пару сантиметров.

Ну и далее зрительское любопытство оказалось не столь оригинальным. Врать мне почти не пришлось и, наконец, методист стала меня благодарить и завершила встречу.

– Варька, молодец, – за эстрадой меня обступили мои однокурсницы, – Даже мы поверили, что ты была на конкурсе красоты!

Месяц промчался быстро. Приехав домой на свои законные каникулы, я рассказала маме историю с Химкинской красавицей. Она от души посмеялась и потом долгое время еще подкалывала меня фразой: «Ну, что, химическая красавица, что ты там любишь больше всего, пельмени?»

Торговый отряд

Еще зимой, после сдачи своей первой сессии, нам сказали, что второкурсников не отправят на картошку в сентябре, но и гулять целое лето нам не позволят. Для этого нам необходимо один месяц летом отработать в так называемом торговом отряде.

Для этого к нам будут приезжать преподаватели и учить нас на дополнительных парах торговому делу. Какая-то тетенька в мохеровой вязаной шапке со смешно накрашенными губами яркой красной помадой к нам однажды как-то заглянула. Но нужно было срочно что-то репетировать и на лекцию мы так и не попали.

Я выбрала для практики вторую половину июля – начало августа и оказалось, что остаюсь без компаньенок. Пришлось приехать самостоятельно в какое-то торговое управление, потом сдать в поликлинике кучу анализов и наконец, меня распределили в магазин.

Им оказался большой гастроном на Левом берегу, неподалеку от общаги. Я пришла, отдала начальнице свои бумаги, мне вручили белый халат и торжественно отвели на рабочее место. Рядом с гастрономом находился ларёк с говорящим названием «Квас».

В нем находились три огромные столитровые емкости, газовые баллоны, прилавок с красным и поднос с гранеными стаканами и парой кружек. Расписавшись за оборудование и отмыв свое рабочее место, пришлось вернуться в магазин.

– Когда мне квас привезут? – спросила я, стоя на пороге распахнутой двери в кабинет начальницы.

– Скорее всего, завтра, – не отрывая глаз от бумаг, ответила она, – Иди пока на фасовку, там всегда руки нужны.

В молочном отделе толкалась очередь, в бакалейном было тихо и пусто. Полки были практически пусты. Несколько пакетов с развешанными серыми макаронами, такая же несимпатичная перловка и еще не то сечка или ячка.

Завернув за прилавок, я прошла в подсобку.

– Новенькая? – спросила меня пожилая женщина с добрыми голубыми глазами и пучком лучистых морщинок вокруг них.

– Да, я из торгового отряда, – ответила я, – Меня на квас поставили, а его не привезли, вот начальница к вам отправила.

– К нам, это хорошо, – улыбалась женщина, – Только сегодня ничего не привезли, а что было, мы уже развесили.

– А что же мне делать? – растерялась я.

– Ты обедать ходила? – заботливо спросила женщина, словно я была ее дочка.

Я отрицательно помахала головой.

– Ах, так ты, наверное, еще ни с кем не знакома, – всплеснула руками женщина, – Пойдем я тебя отведу обедать. Мы тут сами готовим, особенно вкусно, когда смена Расула. Обеды недорогие, копеек двадцать, двадцать пять.

Меня, конечно, смутила такая маленькая сумма, потому что даже в недорогой в институтской столовой можно было пообедать примерно на рубль.

Она легонько, подталкивая меня в спину, повела куда-то в глубину мясного отдела, в прозрачных витринах которого лежали лишь белые пустые металлические корытца. А в подсобных помещениях оказалось несколько небольших комнат.

В одной из них стоял огромный пень с воткнутым топором и столами, обитыми листами цинка. В другой вокруг такого же огромного стола стояли стулья. Продавцы в свободное время приходили сюда обедать по одному или двое, ели и так же быстро уходили. В третьей, совсем крохотной, около электроплитки, отвернувшись спиной, что-то колдовал мужчина в белом халате. Он был какого-то гигантского роста с большими волосатыми руками.

– Расул, – улыбнулась моя сопровождающая, – Покорми вот девочку!

– Новенькая? – не поворачиваясь, спросил мужчина, – Как зовут?

– Варя, – ответила я.

– Держи тарелку, – Расул, наконец, повернулся в проходе. У него было широкое лицо с массивным носом и черными усами. – Борщ любишь?

– Люблю, – кивнула я.

– Значит, ешь! – улыбался Расул, – А я люблю, когда едят.

Я навернула порядочную тарелку борща, потом получила огромнейшую порцию вермишели с гуляшом. В нашей студенческой столовой такие порции мне и не снились, но я мужественно все доела, чтобы не обижать повара. Готовил Расул действительно потрясающе. Несмотря на то, что магазин был полупустой, для коллектива продавцы не жалели отборных продуктов.

Накормив всех, Расул произвел калькуляцию.

– Девочки, сегодня обед стоит 22 копейки, – сообщил он всем присутствующим.

Это обычных покупателей можно было обвесить, обсчитать, со «своими» такие вещи не проходили. Все расчёты происходили четко, до копеечки.

Не зная, чем себя занять, я сходила проведать свой ларек. И вновь вернулась в магазин в бакалейный отдел. Там кипела работа. Оказывается, привезли сахарный песок и фасовщицы, ловко орудуя совками, насыпали его в бумажные пакеты, взвешивали на весах ровно по килограмму, закручивали и ставили на тележку.

– А можно я попробую? – спросила я мою добрую благодетельницу.

– Конечно, можно – улыбнулась та, – Вот пакеты, вот совок, давай-ка новый мешок откроем.

Мешки с сахаром были с одной стороны застрочены каким-то странным переплетенным швом. Как их распарывать, я не знала.

– Вот смотри, – учила меня лучезарная женщина, – Отрезаешь ножом торчащий хвостик, находишь нужную ниточку и просто тянешь за два кончика.

Трррык! И через секунду нитки ровно разошлись в стороны и открыли мешок. Поначалу у меня все получалось неважно. То не за ту нитку потяну, или сахар недосыплю в пакет или пересыплю. Нина, а именно так звали мою новую коллегу по фасовке, все делала четко и ловко. Одним движением пальцев открывала пакет, тут же швырк в него сахар, и практически получался ровно килограмм.

– Ничего, и ты научишься, – улыбалась она, глядя на мою неловкость.

Весь сахар мы расфасовали за пару часов. А народ в зале его смел за считанные секунды. Три дня я слонялась без дела по гастроному, на фасовке аврала не было, квас мне никак не везли. И вдруг, о, счастье!

– Варвара! – услышала я из отдела голос начальницы, – Бегом! Тебе квас привезли. Проверь все накладные внимательно и приступай.

Я выбежала на улицу. Возле моего ларька стояла огромная машина. Как только я открыла дверь, два серьезных дяденьки в синих комбинезонах ловко сняли пустые емкости, поставили на их место полные, быстро подключили баллоны и отвернули кран. Из него, фыркающая и пенясь, полилась пузырчатая квасная пена.

– Вот смотри, – деловито сказал мне усатый, – Если в емкости будет падать давление и квас не потечет, отверни кран с газом, сильно не злоупотребляй, но и себя не обижай.

Увидев, что в ларек привезли квас, около него моментально стал собираться народ. Уже через пятнадцать минут выстроилась внушительная очередь. Я только успевала наполнять трехлитровые банки, режу стаканы и кружки, да отсчитывать сдачу.

Первая емкость у меня улетела так быстро, что я даже не успела понять, сколько прошло времени. На пороге моего ларька появилась начальница.

– Как дела, стахановка? – ухмыльнулась она, – Дело идет? Пора закрываться, уже девятый час. Прибирайся, завтра приходи к восьми. Выручку сдашь тогда за все три емкости, как распродашь.

Лишь вернувшись в общагу и рухнув на кровать, я поняла, насколько устала. Мне показалось, что я только провалилась в сон, как над ухом противно заверещал будильник.

Второй день торговли квасом мне показался не таким волнительным, как первый. Я наливала квас, честно до края емкости, давала отстояться пене и вновь доливала. Больше всего я боялась кого-нибудь обмануть или обидеть недоливом.

Народ с банками и канистрами тянулся ручейками. Во второй половине дня у меня уже закончилась третья емкость. Вымыв посуду и прилавок, я закрыла окошечко и села считать выручку.

Ее на удивление оказалось на пятнадцать рублей больше. Я не поверила своим глазам и пересчитала все еще раз внимательнее. Все правильно, так и есть. По пять лишних рублей с емкости мне дала пена.

– Все, я все продала, – просунула я свой нос в кабинет к начальнице. – Кому выручку сдавать?

– Иди вон к Валентине, в соседнюю дверь, – все также не отрывая глаз от бумаг, ответили она. – Приварок получился?

– Вот, пятнадцать рублей, – честно протянула я деньги.

– А, – махнула рукой начальница, – Это тебе, заработала.

Сдав выручку, я помчалась в бакалею. Там привезли сахар и уже стояла огромная толпа народа. Многие ругались, толкаясь в очереди. Люди отоваривали талоны на сахар.

– Помощь нужна? – радостно спросила я, заглянув на фасовку.

– Еще как нужна, – как всегда улыбнулась мне Нина, – А то они нас тут просто сметут.

За перегородкой гудела и переругивалась очередь, а мы как бешеный конвейер развешивали сахар. Продавец из отдела едва успевала отвозить в зал полную тележку.

– До чего же народ дошел, – ворчала она, возвращаясь за очередной расфасованной порцией, – С руками готовы отрывать!

– Так лето же, варенья, соленья, – как то мягко, словно жалея всех несчастных людей, произнесла Нина.

«Господи, – пронеслось у меня в голове! – а у меня-то в деревне тоже сахар по талонам. Вот же, у самой руки уже болят от колючих сахаринок, а дома, поди, нет ни крошки».

– Вот и у меня, наверное, дома нет сахара, – поделилась я с Ниной.

Она на меня посмотрела удивленно:

– Так бери, сколько надо, только за деньги, разумеется, вон в кассу заплати, а уж мы то отвесим.

Пролетела неделя, на свои первые выходные я рванула домой с пятью кило сахара. Да еще и с деньгами.

А все ж неплохая эта штука, торговля!

В понедельник, выйдя на работу, я с радостью обнаружила, что в мой магазин направили еще одну мою однокурсницу, одну из Ленок. Ее посадили в отдел для ветеранов.

Квас мне больше не везли, и я слонялась по магазину между обедами и фасовкой. Как-то ко мне заглянула Ленуся:

– Ой, Варька, у нас там прямо битва ветеранов. Наборы выдаем.

– А что хорошего в наборах? – деловито, по-торгашески спросила я.

– Сыр, сервелат, – ответила однокурсница.

– Нина, интересно, а сервелат можно купить? – повернулась я к коллеге.

– Да можно, – отмахнулась она, – только спроси и Сигизмунда Эдуардовича.

– У кого? – я от неожиданности чуть не поперхнулась собственной слюной.

– Сигизмунд Эдуардович сидит в кабинете, следующем за бухгалтером, – невозмутимо ответила Нина, – Иди, да спрашивай.

Я помчалась в подсобку. Меня уже не столько интересовал сервелат, сколько, что же это за человек такой и почему я его до этого не видела?

Вежливо постучавшись в нужную дверь, я услышала негромкое:

– Войдите...

Такого я не ожидала увидеть: за рабочим столом сидел кругленький, розовощекий пухлый человечек. Он своими короткими пальчиками-сарделечками перебирал какие-то бумажки. К блестящей лысине была аккуратно приклеена последняя редкая прядь волос.

– Здравствуйте, Сигизмунд Эдуардович! – как можно мягче сказала я, – Я из отдела фасовки, а можно мне сервелат купить из ветеранского отдела?

Сигизмунд Эдуардович как-то рассеянно посмотрел на меня, потом очень забавно причмокнул пухлыми губами и каким-то полу женским голосом ответил негромко:

– Можно... – и вновь причмокнул губами. – Скажите, я разрешил.

– Спасибо! – и я уже мчалась в подвал, в большой холодильник – хранилище.

– Тебе чего? – грубовато спросил мрачного вида дяденька. Он был в белом халате, значит свой, хотя я раньше до этого его тоже не видела.

– Мне Сигизмунд Эдуардович разрешил взять сервелат, – пропищала я каким-то странным не своим голосом.

– Ааа, – равнодушно отозвался дядька. Он подошел к железной двери с огромной ручкой-рычагом и открыл ее. На полках в полутьме лежали колбасные батончики, – Сколько тебе?

– А можно три? – робко спросила я.

Дяденька презрительно хмыкнул и протянул мне три колбасины. Я тут же помчалась их взвешивать и оплачивать на кассе, словно опасаясь, что дяденька передумает, догонит и отнимет. А в это время бедные ветераны, простаивая в очереди, унижительно выкупали свои пайки, в которых сервелат был развешан не батонами, а всего лишь небольшими кусочками.

Голод все-таки способен заглушить стыд... Простите меня ветераны.

Квас мне больше так и не привезли и вскоре, получив свою зарплату, я вернулась домой.

Я долго потом и часто думала, насколько скверно я поступила? Или в этом не моя вина, что в стране так выстраивалась жизнь, с бесконечным дефицитом, блатом и шальными торгашескими деньгами.

Но я не одна прошла сквозь искушение наживы. В сентябре, когда мы собрались учиться, все с жаром рассказывали о том, с чем кому пришлось столкнуться в торговле.

Занятнее всего торговая эпопея оказалась у Катьки-Афёры и Ирки. Их оправили в овощной магазин. Там оказалась очень продвинутая заведующая, которая умела на базах доставать дефицитные по тем временам фрукты: бананы и апельсины.

Их продавали прямо на улице, в основном на бойких площадках или перекрестках. Утром продавцов с ящиками товара привозили на точки, как правило, сразу же выстраивались гигантские очереди. В течение нескольких часов все это распродалось и во второй половине дня с выручкой продавцы приезжали к начальнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.